

На правах рукописи

Шаова Оксана Александровна

**Россия и Франция:
национальные стереотипы
и их метафорическая репрезентация
(на материале французских
и российских газет)**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2005

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Научные руководители: кандидат филологических наук, доцент
Путырская Ольга Германовна,
доктор филологических наук,
профессор **Чудинов Анатолий**
Прокопьевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Турбина Ольга Александровна

кандидат филологических наук, доцент
Белева Ирина Дамировна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральский
государственный экономический
университет»

Защита состоится «3» июня 2005 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.283.02 при ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного педагогического университета

Автореферат разослан « » апреля 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Пирогов Н.А.

Актуальность исследования состоит в том, что с формированием новой научной антропоцентрической парадигмы (наряду с уже существующими сравнительно-исторической и системно-структурной) в современной лингвистике происходит смена принципов, методов и акцентов исследования языкового материала. При антропоцентрическом подходе исследователя интересует не только язык, но и речемыслительная деятельность человека как субъекта познания и коммуникации. Исследование речемыслительной деятельности помогает полнее познать и понять человека (и социум), ибо в каждом своём высказывании индивид определённым образом обобщает, концептуализирует и оценивает действительность. Способы представления действительности могут быть разными, поэтому высказывания об одном и том же объекте могут не совпадать. В связи с этим изучение различных фрагментов языковой картины мира (идея, восходящая к учению В. Гумбольдта, Э. Сэпира – Б. Уорфа, Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, Л. В. Щербы) становится одним из перспективных исследовательских направлений (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежицкая, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Е. В. Рахилина, Г. Н. Складарская, В. Н. Телия, А. Д. Шмелёв и др.). В рамках данного направления активно исследуется национально-культурная специфика картины мира, поскольку видение мира и его оценка у носителей разных языков не идентичны (В. П. Бранский, К. Касьянова, И. М. Кобозева, В. Ф. Петренко, З. В. Сикевич, И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, А. Фуллер, С. Чугров).

«Культура по своему характеру диалогична» (Библер 1991: 10), и, анализируя иную культуру, мы можем лучше понять и изучить себя. Как заметил М. М. Бахтин, «мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» (Бахтин 1979: 335).

Проблемы осмысления межкультурного и межнационального общения («диалог культур как бытие культуры... встреча культур... взаимопонимание культур» (Следзевский 2003 // <http://www.gorbi.ru>)), выявления специфики когнитивных схем, используемых представителями различных наций (особенности языковых и невербальных систем, элементов общественного сознания) находятся в фокусе внимания многих исследований (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, В. В. Петров, Е. В. Рахилина и др.). Все больший интерес у специалистов вызывает реконструкция категориальных структур, опосредующих восприятие и осознание одной нации другими (И. В. Гармашова, Г. Гачев, Л. И. Гришаева, П. Н. Донец, И. М. Кобозева, Й. Коженева-Берчинска, С. А. Мезин, В. Ф. Петренко, Ю. А. Сорокин, Н. В. Уфимцева и др.). Дискуссиям по поводу представления национального «себя» (фактор адресанта) и «образа другого» (фактор адресата), функционированию в данном контексте разнообразных (социальных,

национальных, идеологических и иных) стереотипов посвящаются множество публикаций (Ю. Д. Апресян, А. К. Байбурин, Г. С. Батыгин, Ю. В. Бромлей, Л. Г. Гусякова, П. Н. Донец, В. И. Карасик, Ж. Коллен, И. С. Кон, В. Красных, У. Липпманн, В. А. Маслова, А. В. Михеев, Ю. Е. Прохоров, З. В. Сикевич, С. В. Силюнский, Г. Г. Слышкин, Ю. А. Сорокин, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, С. М. Толстая, А. Д. Шмелев и др.).

Концептуальная метафора является одним из наиболее продуктивных средств интерпретации концептуальной (языковой) реальности, инструментом организации опыта человека и, как следствие, фрагментом языковой картины мира (А. Н. Баранов, М. Блэк, В. З. Демьянков, М. Джонсон, Л. В. Ивина, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, В. В. Петров, Е. В. Рахилина, А. Ричардс, М. Тёрнер, Ж. Фоконье, А. П. Чудинов, Р. Cadiot, Ch. Malone, A. Musolff, P. Schulz, J. Zinken и др.). Системы концептуальных метафор, функционирующие в языке, представляя собой «обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и с социумом» (Баранов 2004: 9), способны структурировать, оценивать и объяснять окружающую действительность, являясь «феноменами, обеспечивающими понимание» (Лакофф, Джонсон 2004: 208).

Изучение метафорического моделирования окружающей действительности представляется перспективным, о чем свидетельствуют многочисленные диссертационные исследования, освещающие особенности различных фрагментов метафорической картины мира: политической (Вершинина, 2002; Каслова, 2003; Ряпосова, 2002; Феденёва, 1998), экономической (Колотнина, 2001), медицинской (Мишланова, 2002), художественной (Борковец, 2003; Чес, 2000). Ряд работ посвящен метафорическому моделированию образа одной нации в картине мира другой нации (Гришина, 2004; Каслова, 2003; Санцевич, 2003). Сопоставительные исследования метафорической репрезентации мира способствуют выявлению универсальных и национально специфичных метафорических моделей, что позволяет лучше понимать ментальный мир человека и общества, с одной стороны, и особенности национального сознания, с другой (А. Н. Баранов, М. Джонсон, Ю. Н. Караулов, Дж. Лакофф, И. А. Стернин, А. П. Чудинов).

При исследовании метафорического моделирования обращение к дискурсу масс-медиа обусловлено тем фактом, что именно СМИ обеспечивают общество информацией, благодаря которой формируются определённые убеждения. Ученые, занимающиеся дискурсом СМИ, пытаются выяснить, каким образом он конструирует мировидение типичного представителя той или иной культуры (М. В. Гаврилова, Л. И. Гришаева, Т. ван Дейк, В. Д. Мансурова, Е. И. Шейгал и др.). Языковые причины вариативного представления действительности в рамках прессы объясняются вариативностью используемых СМИ языковых средств, активизирующих в

сознании адресата определённые комплексы сведений с соответствующей оценочностью.

Актуальность проблемы определила выбор объекта и предмета исследования.

Предметом настоящего исследования являются метафоры, используемые в современных французских газетах для представления образа России, в сопоставлении с метафорическими номинациями, используемыми в российских газетах.

Объект исследования – закономерности метафорического словоупотребления, характерного при представлении России в современных французских и российских газетных текстах.

Целью диссертации является исследование метафорического образа России в языковой картине мира французских СМИ на основе выявления, анализа и классификации метафорических моделей, активно используемых в современных французских газетах в сопоставлении с метафорами, характеризующими российскую реальность в отечественной прессе.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие конкретные **задачи**:

- определить понятия «национальная картина мира», «языковая картина мира», «национальные стереотипы», «концептуальная метафора» и соотношение этих понятий между собой;
- выявить и систематизировать основной состав и наиболее продуктивные типы используемых во французском дискурсе масс-медиа концептуальных метафор, ориентированных на представление современной российской действительности;
- проанализировать прагматический потенциал метафорических моделей, используемых для интерпретации российской действительности во французских газетных текстах;
- провести сопоставительный анализ метафорического образа России, характерного для российской и французской публицистики.

В качестве **материала для исследования** использовались тексты французских общенациональных газет, адресованные читателям с разными интересами и интеллектуальными запросами («Monde», «Libération», «Humanité»), освещающие различные события российской жизни. Всего проанализировано 3677 метафорических словоупотреблений, зафиксированных в 1743 газетных текстах. Для сопоставления привлекались материалы российских газет («Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Независимая газета») и описание метафорических моделей, представленное в исследованиях Е. В. Колотниной (2001), А. А. Касловой (2003), О. А. Гришиной (2004) и А. П. Чудинова (2001, 2003а).

Методология исследования сложилась под воздействием теории метафорического моделирования, возникшей в Соединенных Штатах Америки (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, А. МакКормак, Ж. Фоконье, М. Тернер и др.) и успешно развиваемой отечественными филологами (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Л. В. Ивина, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.).

Для решения конкретных задач представляемого когнитивно-дискурсивного исследования применялся комплекс **методов**, характерных для современной антропоцентрической лингвистики: когнитивное моделирование, лингвокультурологическая характеристика исследуемых явлений, дискурсивный анализ, сопоставительный анализ с учетом национальных особенностей соответствующих языков и культур, а также количественная обработка полученных материалов. Отбор метафор осуществлялся с использованием метода сплошной выборки.

Теоретическая значимость исследования заключается в сопоставительном когнитивном исследовании метафорического моделирования в дискурсе масс-медиа, в развитии методики сопоставительного изучения метафор. Исследование позволяет лучше понять, насколько метафорическое моделирование образа одной нации в концептуальной картине мира иного социума влияет на установление взаимопонимания между народами. Материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших теоретических исследованиях по проблемам общей теории метафорического моделирования, в теории межкультурной коммуникации, а также при исследовании лингвокультурных особенностей национальных картин мира.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном описании используемых французскими СМИ при подаче информации о жизни России доминантных метафорических моделей, структурирующих и опосредующих восприятие России во французском национальном сознании. На основе последовательного рассмотрения сфер-источников и сфер-магнитов метафорической экспансии выявлены закономерности метафорического представления российской действительности во французской прессе. В процессе сопоставительного исследования проанализированы универсальные концептуальные метафоры, отражающие общие представления французов и русских о российской действительности, выделены метафоры, отражающие национальную специфику восприятия французскими реципиентами нашей страны, выявлены метафоры, заимствованные французскими газетами из российской прессы.

Практическая значимость работы заключается в том, что она может быть использована в лексикографической практике (французско-русский словарь политической метафоры). Результаты исследования могут быть применены в процессе вузовского преподавания психолингвистики,

этнолингвистики, лингвокультурологии, риторики, стилистики, а также могут быть полезны специалистам в области политической межкультурной коммуникации и международной журналистики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концептуальная метафора во французских газетных текстах является одним из важнейших средств концептуализации, категоризации и оценки российской действительности, формируя тем самым образ России в ментальном пространстве представителей французской лингвокультуры.
2. Используемые во французских газетах системы концептуальных метафор, с одной стороны, закрепляют и тиражируют существующие национальные стереотипы России, с другой стороны, способствуют стереотипизации нового знания о российской действительности.
3. Анализ метафорического словоупотребления в дискурсе масс-медиа Франции позволил выделить доминантные модели, типичные при образной номинации и характеристике России. К их числу относятся ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ, ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА, СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙСЯ ЛОКУС, ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МЕХАНИЗМ, РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ, РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ и КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ – это ВОЙНА.
4. Большинство рассматриваемых в настоящей диссертации метафор апеллируют к отрицательным для французов эмоциям и укрепляют в сознании адресата устойчивый комплекс представлений о «чуждости» России французскому миру.
5. В метафорической картине российской действительности, создаваемой французскими СМИ, условно можно выделить три типа метафор: метафоры, типичные для французского культурного пространства, универсальные метафоры и метафоры, заимствованные французскими газетами из российской прессы.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Основные положения исследования излагались автором на региональных, всероссийских и международных конференциях в Екатеринбурге (2002, 2003, 2005). По теме диссертации опубликовано 7 работ.

Структура диссертации отражает ключевые этапы и логику предпринятого исследования: работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического раздела.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность поставленной проблемы, определяются цели и задачи исследования, даётся характеристика объекта, предмета, материала и методов анализа, раскрывается новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, предъявляется гипотеза, лежащая в основе работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Отражение национальных стереотипов в концептуальной метафоре»** представлена исходная теоретическая база для изучения метафорических моделей, использующихся во французских газетах при подаче информации о России, анализируется соотношение национальной и языковой картин мира, определяется роль национальных стереотипов в восприятии сообщаемой адресату информации, сопоставляются автостереотипы России и Франции, рассматривается теория концептуальной метафоры.

Нации, понимаемой как этносоциальная общность людей, достигших определённого уровня развития и осознающих духовное единение (А.А. Вальков, 1996), присуще свое виденье, отражение мира (национальная картина мира. В основе НКМ лежат характерные для того или иного народа символы, традиции, ценности, менталитет, язык, культура, влияющие на восприятие и концептуализацию мира в сознании человека (совокупности людей).

Рассматривая систему ведущих ценностей и символов, коллективных представлений (национальных стереотипов (НС)) различных наций, мы можем увидеть со стороны целостный образ «другой» или «своей» страны. НС выступают своего рода «понятийными орудиями», отражающими прошлый опыт общества и способствуют увековечению этих способов в силу таких своих свойств, как схематичность, устойчивость, малоизменчивость.

Деление НС на автостереотипы (представления о самом себе как о члене некоторого этноса) и гетеростереотипы (представления о других) отражает осознание человеком «чуждости» (П. Н. Донец, 2001), то есть выделение «своего» и «чужого». Отличия между автостереотипами России, существующими в отечественной лингвокультуре, и гетеростереотипами России, закреплёнными в концептуальной картине мира (ККМ) носителей французского языка, обусловлены рядом факторов: во-первых, несовпадением французских и российских автостереотипов (приоритет коллективного и индивидуального, преобладание рационального и иррационального, открытость ко внешнему миру и ксенофобия и т.д.), объясняющимся различными базовыми ценностями, сформировавшими французское и российское общество. Во-вторых, многие отрицательные стереотипы России в современной французской культуре (агрессивный и

захватнический характер российской политики, Россия – страна экономических контрастов и парадоксов, пассивность и апатичность российского общества) отражают исторически сложившееся у европейцев (у французов в частности) представление о России как о части «татарского мира», как о «восточной (азиатской) империи» (С.А. Мезин, 2002). К сожалению, стереотипы «русской угрозы», «русского варварства» прочно вошли в европейское сознание и использовались в конфликтных ситуациях для создания образа врага вплоть до XIX века.

Взаимосвязь и взаимозависимость языка и образа мышления человека (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, Т.Г. Винокур, В.Г. Костомаров, Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Синельников, Г.Н. Складарская, В.Н. Телия, А.Д. Шмелев и др.) ведёт к определённому способу организации действительности в языке – языковой картине мира (ЯКМ), которая, являясь подсистемой в НКМ, обладает национально-культурным своеобразием, наряду с такими её чертами, как «наивность», антропоцентризм, эгоцентризм, системность. С одной стороны, ЯКМ отражает и передаёт не только образ жизни, но и образ мышления, характерный для некоторой данной нации. С другой стороны, она воздействует на содержание мышления носителей языка, влияет на поведение людей, на их отношение к окружающей действительности.

Концептуальная метафора, изучаемая в рамках когнитивной лингвистики как лингво-когнитивное явление, обладает способностью создавать ментальную модель действительности, отражаемую в языке вообще и в сознании конкретных носителей языка в частности (Н.Д. Арутюнова, М. Джонсон, Ж. Фоконье, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, В.В. Петров, Т.Г. Скребцова, В.Н. Телия, А.П. Чудинов и др.). Будучи одним из способов создания ЯКМ, метафора способна показать вновь познаваемое через уже познанное, абстрактное через конкретное, незнакомое через очевидное, синтезировать новые концепты и создавать новый образ реальности, активизируя закодированную информацию, хранящуюся в когнитивных структурах человеческого мозга. Присущие концептуальной метафоре свойства (способность концептуализировать, категоризировать, моделировать действительность) играют каталитическую роль в осмыслении мира, в становлении и формировании определённой ЯКМ. А поскольку ЯКМ обладает национальной специфичностью, ибо любая речемыслительная деятельность человека соотносится с той НКМ, внутри которой человек существует, с морально-этическими ценностями, зафиксированными социальными институтами и представленными в НКМ каждого члена определённого социума, метафора позволяет проникнуть и понять иное национальное самосознание, являясь универсальным средством подачи информации путём переноса знаний из знакомой, конкретной области в неизвестную, менее структурированную сферу.

Способность концептуальных метафор образовывать сложные системы позволяет им объединяться в модели. Метафорическая модель,

являясь абстрактной концептуальной схемой действительности, представляет собой исходную понятийную область (область-источник, сферу-донор) и новую понятийную область (сферу-мишень, реципиентную сферу), которая обычно сохраняет не только структуру исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что способствует активизации в сознании адресата комплекса знаний и сведений с оценочными смыслами.

Использование языка фреймов для структурирования метафорической модели представляется оптимальным, поскольку фреймы являются своеобразными «упаковками знания», с одной стороны, о внеязыковой действительности (аппарат фреймов позволяет моделировать мыслительные процессы и выявлять когнитивные структуры, скрывающиеся за фактами их употребления) (М. Минский, 1979), с другой стороны, о собственно языковой системе, так как за значением каждого слова стоит определённый прототипичный фрейм (Е.Г. Беляевская, Л.В. Ивина, В.Б. Касевич, Е.С. Кубрякова).

Во второй главе **«Метафорическое представление современной экономики и культуры России во французской прессе (в сопоставлении с российской)»** дана общая характеристика тематической и метафорической представленности соответствующих материалов во французской прессе, произведен сопоставительный анализ ведущих метафорических моделей, используемых во французском и российском дискурсе масс-медиа при подаче информации о культурной и экономической жизни России.

Информация о России регулярно появляется на страницах французских газет, что свидетельствует о востребованности, социальной значимости этой информации для французского общества. Однако в фокусе постоянного внимания французской прессы оказываются далеко не все стороны российской жизни. Абсолютное большинство (88%) статей о России, опубликованных в современных французских изданиях, посвящено перипетиям политической жизни России (личности и политическим приоритетам нового лидера РФ, политическому курсу страны при новом президенте, войне в Чечне; отношениям России с Европой и США). Экономика и культура России менее интересуют французский газетный рынок, так как данные темы не дают достаточно оснований для экспрессии и оценки.

Образ России, являясь для французского адресата непосредственно ненаблюдаемой мыслительной областью, моделируется и структурируется в процессе познания с более простыми и конкретными наблюдениями путём переноса знаний из сферы-источника в сферу-магнит. В результате анализа метафор образа России в дискурсе масс-медиа Франции выявлено, что основными областями заимствования слов и словосочетаний для метафорической номинации субъектов, объектов, явлений и процессов,

входящих в понятийное поле «Россия» являются «мир человека», «мир растений и животных» и «мир пространственной ориентации».

Выбранные для исследования французские газеты («Monde», «Libération», «Humanité»), ориентированные на адресатов с разными интересами и интеллектуальными запросами, прибегают к сходным средствам образной номинации и характеристики различных сфер российской жизни, конструируя тем самым восприятие России средним человеком данной культуры. Путём переноса знаний из сферы-источника (первичной ментальной сферы) в сферу-магнит (вторичную ментальную сферу) формируется негативное/позитивное отношение адресата к тому или иному феномену российской жизни, «в то время как вербальные средства (как лексические, так и грамматические) могут быть нейтральными» (Л.И. Гришаева, 2002).

Как представлено на схеме (рис. 1) «метафорический» образ России, сложившийся в ККМ адресата-представителя французской лингвокультуры, достаточно стереотипен. Анализируя актуальные события и факты, французские газеты в большинстве случаев тиражируют уже сложившиеся, устоявшиеся представления о России. Базисная метафора **РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это НЕПРЕКРАЩАЮЩАЯСЯ ВОЙНА** – основной источник метафорической экспансии при характеристике самых различных сфер российской жизни (политики, экономики, культуры). И всё же отдельные стороны российской действительности (политический курс государства, экономический рост страны), концептуально переосмысленные в терминах родства или пространственных терминах, ведут к формированию позитивного образа России в сознании французского реципиента.

Метафорический образ России во французской прессе

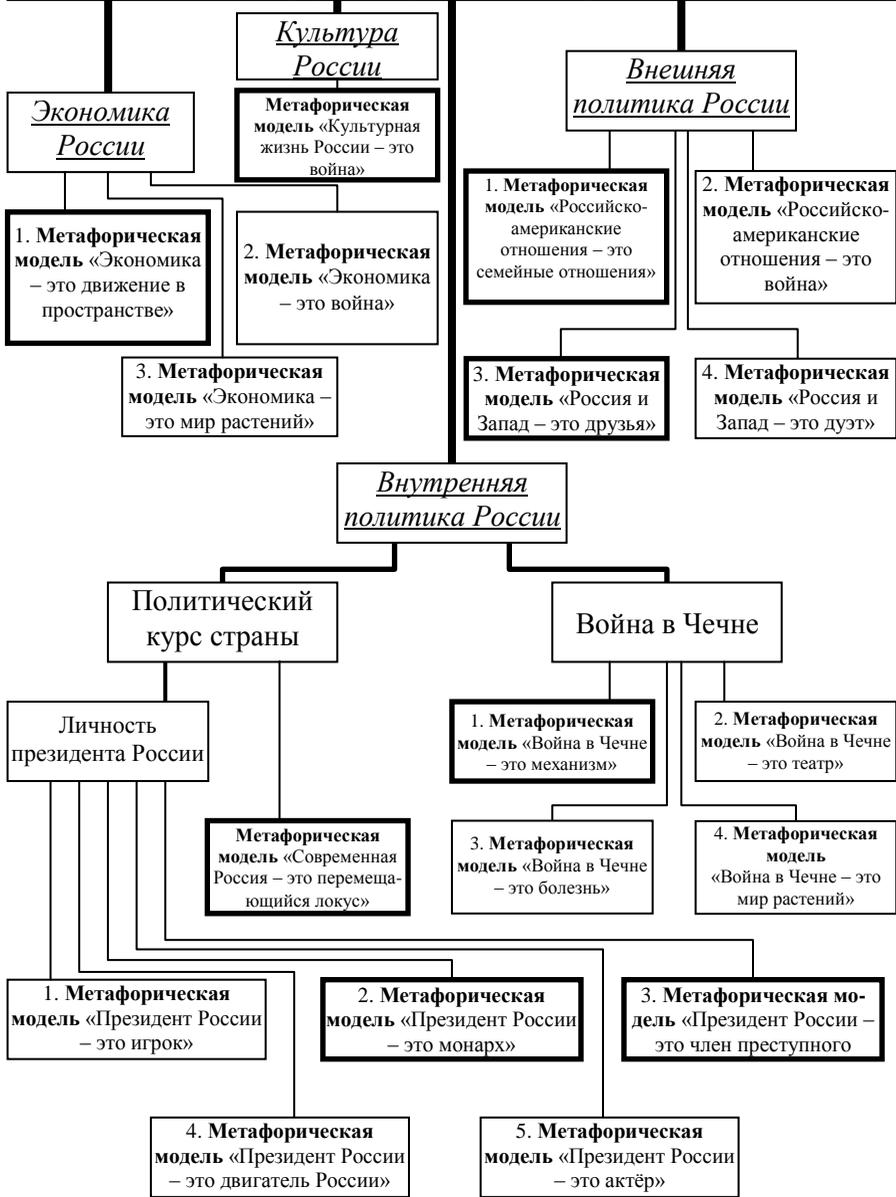

Рис. 1

Активизация в дискурсе масс-медиа Франции метафорической модели ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ (представленной фреймами «Перемещение в пространстве», «Этапы движения», «Скорость передвижения», «Препятствия на пути», «Погодные условия во время путешествия») для характеристики отечественной экономики объясняется активным развитием данной сферы российской жизни. Изменения, происходящие в отечественном народном хозяйстве, оцениваются в ментальном пространстве французского реципиента положительно, так как ассоциативно связаны с движением вперёд. Ср.:

Or l'économie russe s'est remise à une vitesse inattendue (L., 27.03.00). [*Российская экономика понеслась с неожиданной скоростью*]; *Feu vert du FMI à un nouveau prêt à Moscou* (H., 22.07.00). [*МВФ дал Москве зелёный свет на новую ссуду*]; *Après la crise financière d'août 1998, le redémarrage de l'économie demeure l'événement le plus spectaculaire* (M., 05.11.01). [*После финансового кризиса в августе 1998 года подъём (от redémarrer – снова тронуться (об автомобиле)) российской экономики – наиболее значительное событие*].

Однако зависимость российской экономики от непредсказуемой и переменчивой природной стихии, наличие на пути экономического развития нашей страны множества препятствий, затрудняющих продвижение экономики вперёд, активизируют в сознании французского реципиента негативные оценочные смыслы «трудоёмкость», «замедление движения», «опасность». Ср.:

L'économie russe est «noyée sous les pétrodollars» (L., 21..11.01). [*Российская экономика «утонула в нефтедолларах»*]; *La Bourse de Moscou connaissait, lundi 27 octobre, sa plus grande bourrasque depuis la crise financière de 1998, deux jours après l'arrestation en Sibérie de l'oligarque Mikhaïl Khodorkovski* (M., 29.10.03). [*Известие об аресте в Сибири олигарха Михаила Ходорковского в понедельник 27 октября стало таким потрясением (досл. шквалом) для Московской биржи, какого она не знала со времён финансового кризиса 1998 года*]; *En Russie l'intégration économique régionale fait l'embouteillage* (H., 30.10.04). [*Экономическая интеграция России с бывшими республиками Советского Союза стоит на месте (досл. застряла в пробке)*].

Метафора движения не относится к числу доминантных при характеристике экономики России в отечественных газетах, уступая место модели ЭКОНОМИКА РОССИИ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ. Ср.:

Ведь осенью мы были на грани паралича всей платёжной системы страны. (Э., 19.04.99); *Серия соглашений о реструктуризации 1996 – 97 годов позволила отодвинуть «горб» возрастающих платежей по советским долгам.* (Э., 05.06.99).

Различия в доминантных моделях, функционирующих в российском и французском дискурсах масс-медиа, объясняются неодинаковым состоянием российской экономики в периоды правления Б.Н. Ельцина и В.В. Путина.

Если в конце XX в. российская экономическая действительность не может восприниматься иначе, как больной организм, то активное развитие отечественной экономики в начале нового века «вызывает к жизни» систему метафор с иными концептуальными векторами.

Для оценки российской культурной реальности французские газеты используют разнообразную палитру метафор, разнородность и отсутствие системности которых не позволяет объединить их в метафорические модели. Регулярно встречаются лишь метафорические номинации с иной исходной понятийной сферой «Война». Модель КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ – это ВОЙНА (включает фреймы «Война», «Военные действия», «Участники войны», «Ход войны») обладает неоднородным прагматическим потенциалом: в модели выделяются как слоты с ярко выраженной положительной эмотивной нагрузкой («Победа», «Союзники»), так и с отрицательной экспрессивностью («Война», «Враги»). Большое количество «стёртых» военных метафор, используемых французскими СМИ при описании культурной действительности России, актуализируют внутренние смыслы за счет контекстологических средств. Ср.:

*Maïa Plissetskaïa, **rebelle du Bolchoï** (M., 12.10.99). [Маïя Плисецкая, мятежница в Большом театре]; **On mène un combat pour garder la culture russe** (H., 03.10.00). [В России ведётся бой за сохранение культуры]; **Guerre aux «mal-pensants» dans la littérature russe?** (H., 23.12.02). [Война «инакомыслящим» в русской литературе?]; **La défaite de la science russe** (M., 03.03.04). [Поражение российской науки]; **Le cinéma russe aux prises avec la censure politique et économique** (M., 06.02.05). [Российское кино борется с политической и экономической цензурой].*

Использование данной модели во французском дискурсе масс-медиа объясняется постоянным взаимодействием двух тенденций: с одной стороны, французские газеты, обсуждая российскую культурную действительность, «заимствуют» многие языковые факты из российских СМИ, а те, в свою очередь, отображают на языковом уровне милитаризованность российского общественного сознания. Ср.:

*А какие **враги** у театра? Оказывается, есть, да еще чуть ли не внутренняя «**пятая колонна**» (АИФ, 10.09.03); **Культуру войны** сменит культура мира (АИФ, 03.12.03).*

С другой стороны, осмысление французскими периодическими изданиями культуры в базовых терминах войны отражает милитаризованность человеческого сознания вообще, что связано с богатым военным опытом человечества.

Метафорическая картина экономической и культурной действительности России не активизирует в сознании адресата представлений о принадлежности России к кругу «своих», социально и культурно близких народов. Концептуальные метафоры, используемые во французских газетах при описании экономики и культуры России,

преимущественно апеллируют к представлениям о людях и событиях, которые воспринимаются как «чужие», малоизвестные, слабо связанные с французской цивилизацией.

Третья глава «**Метафорическое моделирование российских политических процессов во французских масс-медиа (в сопоставлении с российскими)**» посвящена описанию наиболее продуктивных метафорических моделей, использующихся для характеристики внутренней и внешней политики России.

Французские газеты, претендуя на независимость и объективность, избегают напрямую выражать оценку представленной в дискурсе масс-медиа Франции российской политике. Вариативность языкового представления российской политической действительности во французской прессе достигается за счет использования различных когнитивных метафор.

При концептуализации личности политического лидера РФ СМИ Франции, используя монархическую и криминальную метафоры, стереотипизируют образ главы российского государства, редуцируя его качества до когнитивно значимого минимума. Способность метафорической модели ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ к детальному развёртыванию (в состав модели входят фреймы «Передача власти», «Носитель верховной власти», «Правление царя», «Окружение царя») свидетельствует о её востребованности французским адресантом, который осознанно или злонамеренно благоприятствует укоренению сложившихся во французском обществе стереотипов, представляющих гаранта конституции России в образе абсолютного, всевластного монарха, что не ведёт к формированию позитивного образа российского президента в КKM представителей французской лингвокультуры. Ср.:

*Il a au même moment **intronisé** son premier ministre, Vladimir Poutine, comme son **successeur** (Н., 16.11.99). [В тоже время Ельцин **возвёл на трон** своего **преемника**, премьер-министра Владимира Путина]; Poutine **propulsé à la tête du pays à la faveur du conflit tchéchène et de l'abdication d'un tsar finissant** (М., 11.02.00). [Путин, **выдвинутый во главу страны, благодаря чеченскому конфликту и отречению уходящего царя**]; Poutine **super-tsar?** (Н., 13.12.03). [Путин – **суперцарь?**].*

Вместе с тем, отдельные фреймы отражают концептуальное представление французами монарха как заботливого и рачительного хозяина, деятельность которого противопоставляется бездействию предыдущих российских лидеров. Ср.:

*Le chef de l'Etat, fidèle à son image de **travailleur acharné**, s'est immédiatement **attelé** à la constitution d'un nouveau cabinet de ministres (Н., 08.05.00). [Новый глава государства, верный своему имиджу «**трудолюбив**», **впрягся** в создание нового кабинета министров]; La Russie a la chance, depuis que Vladimir Poutine s'est rangé du côté des Etats-Unis, d'être dirigée par un*

"Stolz". (М., 01.12.01). [После того, как Путин встал на сторону США, можно сказать России повезло, что ею управляет такой "Штольц"]; *Quel est le pouvoir réel de M. Poutine? L'ancien agent du KGB devenu président est-il le maître en son Kremlin?* (М., 28.07.03). [Какова реальная власть г-на Путина? Бывший агент КГБ, ставший президентом, хозяин ли он своей страны? (досл. в своём Кремле)].

Анализ иной продуктивной в дискурсе масс-медиа Франции модели ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (модель представлена следующими фреймами «Личность преступника», «Преступники и их специализация», «Профессиональная деятельность преступника», «Преступное сообщество», «Жертвы преступления») показывает, что типовое прагматическое наполнение этой модели интернационально (основная часть рассматриваемых метафор несёт ярко выраженную отрицательную оценку), так как с концептом «*criminel*» (преступник) у человека независимо от национальной принадлежности ассоциируется представление о чем-то опасном, противозаконном, антиобщественном. Применительно к президенту РФ эти негативно оцениваемые качества приобретают ещё большую отрицательную коннотативную нагруженность, поскольку Франция – государство близкое России по политическому устройству, и в когнитивных структурах представителя французской лингвокультуры закрепилось представление о президенте как о защитнике прав и свобод граждан своей страны теми методами, которые прописаны в конституции. Ср.:

V. *Poutine, meurtier qui tache les mains de sang* (М., 18.04.00). [В. Путин, убийца, чьи руки обрызганы кровью]; *Bien qu'il ait été mis sur orbite par la bandocratie Eltsine-Berezovski, Poutine pourra difficilement conserver tel quel le régime eltsinien, trop discrédité* (Н., 17.05.00). [Хотя Путин и был поставлен у руля власти бандократией Ельцин-Березовский, ему вряд ли удастся сохранить неизменным слишком уж дискредитовавший себя ельцинский режим]; *Le président russe, Vladimir Poutine, a annoncé, lundi 24 décembre, la «liquidation» de la Commission des grâces* (М., 26.12.01). [Но в понедельник 24 декабря президент России Владимир Путин объявил о ликвидации комиссии по помилованиям].

Сопоставительный анализ используемых в дискурсе масс-медиа Франции и России (на основании описания криминальной, монархической метафоры в российском политическом дискурсе в работах А. А. Касловой, А. Б. Ряпосовой, Ю. Б. Феденёвой, А. П. Чудинова) для характеристики главы российского государства монархических и криминальных метафор выявляет сходство фреймово-слотовой структуры моделей, что позволяет сделать вывод о «заимствованном» характере исследуемых моделей. Результаты сопоставления показывают, что подобные метафоры воспринимаются французами как национально-специфические, как типичные для самих русских, поскольку проанализированные модели не являются универсальным

средством концептуального представления главы государства для носителей французской лингвокультуры: обращение к монархической и криминальной источниковым сферам во французской прессе носит системный характер при описании президента России и единично при характеристике президента Франции.

В дискурсе масс-медиа Франции наша страна постоянно метафорически предстаёт как предмет, изменяющий своё положение в пространстве, что отражает глубинную способность человеческого мозга, опираясь на физический опыт, организовывать одно абстрактное понятие (Россия в данном случае) по образцу иного, более конкретного понятия. Метафоры данной подгруппы входят в число базовых ориентационных метафор (Дж. Лакофф, М. Джонсон, 2004) и структурируются в метафорическую модель СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙСЯ ЛОКУС (модель включает фреймы «Точка отсчета», «Вертикальное изменение», «Горизонтальное изменение»). Центром данной модели являются метафоры, связанные с переосмыслением изменения положения России в пространстве. Ориентационные метафоры, эксплуатируемые французскими газетами, обращаются к прочно закреплённым в когнитивных структурах мозга человека представлениям о том, что движение вверх и вперёд сопряжено с достижением, прогрессом, развитием и, следовательно, оценивается положительно. Ср.:

*La Russie sort chaque jour un peu plus de l'anarchie où elle avait sombré sous Boris Eltsine (M., 08.02.01). [День за днём Россия все больше и больше выходит из той анархии, в которую она погрузилась при Борисе Ельцине]; **Emergence** d'une "classe moyenne" en Russie (M., 21.02.02). [Появление (досл. выплывание) среднего класса в России]; *Où va la Russie de Poutine?* (M., 09.09.04). [Куда идёт Россия Путина?].*

Метафорическое переосмысление вертикального измерения России, конечной цели и скорости движения нашей страны обладает отрицательными коннотациями, связанными с представлениями об усилении государственной власти в ущерб «человеческому фактору», с представлениями о слабой скорости изменений в российской жизни и с отсутствием у России своей «национальной» позиции. Ср.:

*Des experts critiquent l'immobilisme des autorités russe en matière de réformes» (L., 15.02.01). [Эксперты критикуют отсутствие у российской власти реформаторского духа (досл. неподвижность власти)]; M. Poutine s'attache-t-il à effacer l'impression donnée d'un pays à la remorque des Occidentaux? (M., 23.11.01). [Сможет ли Путин стереть образ России, которая тащится в хвосте (досл. на буксире) за Европой?]; *Poutine peut faire ce qu'il veut avec cette Douma. Il n'y a plus de centres de pouvoir indépendants, il n'y a qu'une pyramide du pouvoir, avec un tsar ou un président au sommet (H., 09.12.03). [С такой Думой Путин может делать всё, что хочет. Большие не**

осталось независимых центров власти, существует пирамида власти с царём или президентом на вершине].

Военные действия России в Чечне – постоянный источник для полемики во французских СМИ. Непонимание, недоверие, осуждение вмешательства России во внутренние дела Чеченской республики выражается путем использования французскими газетами метафорической аргументации. Наиболее продуктивной и распространённой в дискурсе масс-медиа Франции при характеристике действий РФ в ходе чеченской операции является метафорическая модель ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МЕХАНИЗМ, представленная фреймами «Создание механизма», «Виды механизмов», «Управление механизмом». Ср.:

*Tchéchénie: la **machine** infernale s'emballe* (H., 07.10.99). [Чечня: адская машина понеслась]; *La guerre en Tchétchénie, menée tambour battant par Poutine - qui en use comme de son unique **instrument** pour affirmer son autorité* (H., 01.02.00). [Чеченская война, которую победно ведет П., используется им как единственный инструмент для утверждения своей власти]; *Les autorités moscovites ...resserrent encore l'étai qui broie Grozny* (H., 28.10.02). [Московские власти сжимают Грозный в разрушительных тисках]; *Tchéchénie: les **rouages** bien **huilés** de la machine Poutine* (L., 15.03.04). [Чечня: отлаженный (досл. смазанный) механизм избирательной машины Путина набирает обороты].

Данная модель подчеркивает функциональный, искусственный, спланированный «сверху», «бездушный» характер войны в Чечне. Другие характеристики при этом оказываются невостребованными. Механистическая трактовка войны в Чечне снимает вопрос о законности, справедливости этой войны, так как денотативная сфера понятия «механизм» распространяется на неодушевлённые предметы, к которым неприменимы понятия морали и этики. Тем самым СМИ формируют во французском социуме мысль об отсутствии в России какого-либо морального авторитета, который подсказывал бы, как вести себя на международной арене, не доводя дело до межнациональных конфликтов.

В целом, метафоры механизма, эксплуатируемые французскими газетами, укрепляют в сознании франкоговорящего реципиента стереотип агрессивности России, варварскими методами добивающейся своих целей. Отбор языковых средств, осуществляемый адресантом, предопределяя концептуализацию внеязыковой действительности у читателя, формирует во французском социуме настроенное отношение к нашей стране.

Неотъемлемую часть образа России на страницах французских СМИ составляет внешнеполитическая позиция нашей страны. Французские газеты акцентируют внимание прежде всего на месте России в системе международных отношений, на тех российских геополитических приоритетах, которые представляют интерес для Европы: развитие отношений между Россией и США и между Россией и Европой.

Присущее человеку антропоморфное виденье мира объясняет факт концептуального представления о государстве как о живом существе, обладающем свойствами и характеристиками, чувствами и мышлением человека. Рассматривая отношения между странами сквозь призму данной метафоры, французские СМИ, тем самым, невольно задают общую установку «повествования» о позиции России на международной арене. Персонификация России обуславливает особую категоризацию данного фрагмента действительности. Носителями французского языка отношения между странами воспринимаются как отношения между людьми. К взаимоотношениям России и Америки, России и Европы французские газеты постоянно применяют концептуальную метафору внутрисемейных, дружественных отношений. Метафорические модели РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ и РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ приходят на смену доминировавшей в предшествующие десятилетия категориальной сетке, в рамках которой отношения США и России, Запада и России метафорически переосмысливались в терминах войны. Ср.:

La «guerre froide» américano-soviétique est oubliée (L., 15.01.04). [Американо-советская «холодная война» забыта]; La crise ukrainienne a ravivé la tension entre Moscou, d'une part, et l'Alliance atlantique et l'UE, de l'autre, plus de dix ans après la fin de la guerre froide (M., 07.12.04). [Десять лет спустя после окончания холодной войны украинский кризис воскресил напряжение между Москвой, с одной стороны, и Атлантическим союзом и ЕС, с другой].

Модель РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, представленная фреймами «Предсвадебный период», «Вступление в брак», «Семейная жизнь», формирует новый стереотип российско-американских отношений. Россия, проиграв холодную войну, потеряв статус сверхдержавы, перестаёт восприниматься как враг США, однако в отношениях между двумя странами нет места и для равноправного партнёрского сотрудничества. Франция ревниво относится к новым отношениям, выстраивающимся между российским государством и США, а поэтому востребованными в газетных текстах оказались наименования, выражающие конфликтность и интриги обеих сторон, создающие уничижительную коннотацию иронии при метафоризации «семейной» жизни России и Америки и их совместного будущего. Новый союз России и Америки метафорически переосмысливается как брак по расчету, а не по любви. Ср.:

Et cela fait belle lurette - près de quinze ans - que les Russes s'emploient à séduire les Américains (M., 01.12.01). [Уже довольно давно, около 15 лет, Россия пытается соблазнить Америку]; Le "mariage" russo-américain ne se porte donc pas si mal (M., 15.03.02). [Российско-американский «брак» не так уж и плох]; Courtisé par Paris et Washington, Vladimir Poutine se réserve le

choix ultime de son camp (М., 25.02.03). [*Принимая ухаживания Франции и США, В. Путин оставляет за собой право выбирать месторасположение лагеря*]; *Dans un vaudeville à l'ancienne, le premier (V.outine) jouerait l'épouse intéressée, le second (G. Bush) le mari très macho* (Н., 27.09.03). [*В этом водевиле как и прежде Путин будет играть меркантильную жену, а Буш – деспотичного мужа*].

При сопоставительном анализе данной модели следует обратить внимание на то, что в дискурсе масс-медиа России представленная модель менее продуктивна и используется реже, чем метафора дружбы, партнёрства, сотрудничества. Эксплуатируя метафору «брака по расчету» при характеристике российско-американских отношений, российские газеты, в отличие от французских, реже используют метафоры с негативной коннотацией, подчеркивающие зависимость нашей страны от США и легкомысленное поведение России, использующей свои «женские чары» для соблазнения партнёра ради собственных интересов. Ср.:

Россия заинтересована в том, чтобы ... иметь в тылу в качестве своеобразного якоря максимально дружественные - можно даже сказать, "семейные" - отношения с США (РЖ, 17.06.02); *У нас с США брак по расчету* (КП, №43, 2002).

В оценке отношений России с европейскими государствами (с Европой в целом) французские газеты используют иную систему метафор, при обобщении которых обнаруживается модель РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ (модель составляют фреймы «Социальные роли», «Взаимоотношения друзей», «Досуг»). Такие метафоры актуализируют в сознании французского читателя положительные ассоциации, связанные с концептом «друг» – человек, на которого можно положиться, который проявляет соучастие, заботу, всегда придёт на помощь. Восприятие взаимоотношений между российским и западными государствами как дружбы эксплицирует элемент взаимопонимания, духовного родства, комфорта, терпимости и взаимного уважения. Ср.:

Comme Boris est un ami de la famille occidentale, personne ne pipe mot (Н., 09.10.99). [*Поскольку Борис – друг западной семьи, никто и не пикнет*]; *L'Europe en visite chezoutine* (L., 30.05.00). [*Европа в гостях у Путина*]; *Amitiés franco-russes* (L., 15.08.03). [*Россия и Франция демонстрируют взаимное дружеское расположение*]; *Chirac trop «poutinien» pour l'Europe* (L., 26.02.04). [*Слишком «путинский» для Европы Ширак*].

При сопоставительном анализе представленной метафорической модели в русском и французском языках следует обратить внимание на сходство фреймово-слотовой структуры, на ее частотность и продуктивность в обоих языках. Все это говорит о том, что дружба как сфера-источник метафорической экспансии является универсальным средством для концептуализации отношений России и Европы в российских и французских периодических изданиях. Ср.:

Россия и Франция договорились дружить (НГ, 22.07.02); Запад – друг или враг? (АИФ, 22.12.04).

На основе анализа рассмотренных материалов, можно сделать вывод о том, что метафоры с исходными понятийными сферами «монархия», «преступность», «механизм», «семья», «дружба» репрезентируют политические процессы и деятелей России, используя полярные по эмотивной нагруженности смыслы. Большинство моделей обладают отрицательным прагматическим потенциалом, который предопределяет концептуализацию внеязыковой действительности у адресата-читателя и формирует во французском социуме отрицательное, настороженное отношение к России. Положительные ассоциативные смыслы содержатся лишь в отдельных фреймах или слотах вышеуказанных метафорических моделей. Своеобразным исключением является модель РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ, актуализирующая в сознании французского адресата-читателя положительные ассоциации, связанные с концептом «дружба».

В **заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы, намечены перспективы дальнейшего исследования метафорического представления действительности.

Используемые во французском дискурсе масс-медиа системы метафор закрепляют и тиражируют традиционные представления о России, а также способствуют стереотипизации нового знания о нашей стране, редуцируя, таким образом, её характеристики до когнитивно значимого уровня: Россия – это страна недемократических традиций, во главе которой находится монарх-преступник, культурную жизнь которой сотрясают вооруженные столкновения, экономику которой подстерегают в пути множество препятствий и опасностей.

В рассмотренной метафорической концептуальной картине российской действительности условно можно выделить три типа образов: метафоры, типичные для французского культурного пространства (механистическая и «семейная»); базовые, общечеловеческие, универсальные метафоры (пространственная и милитарная); заимствованные метафоры (криминальная и монархическая).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Шаова О. А. Россия на рубеже XX-XXI веков в зеркале французской прессы (на материале газеты «Монд») // Уральские лингвистические чтения-2002. Материалы ежегодной региональной научной конференции. – Екатеринбург, 1 –2 февраля 2002 г. – № 15. – С. 147-148.

2. Шаова О. А. Специфика национального менталитета (на примере народных сказок России и Франции) // *Философия и наука. Материалы первой научно-практической конференции аспирантов и соискателей УрГПУ.* – Екатеринбург, 23 апреля 2002 г. – С. 106-108.
3. Шаова О. А. Российско-американские отношения в XXI веке глазами французских СМИ: смена метафорической парадигмы // *Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции / Урал. гос. пед. ун-т.* – Екатеринбург, 2003. – С. 171-173.
4. Шаова О. А. Метафора и стереотип в политической ситуации «Война в Чечне» (на материале французской прессы) // *Перевод и межкультурная коммуникация / Материалы шестой международной научно-практической конференции / Институт международных связей.* – Екатеринбург, 2004. – С. 175-177.
5. Шаова О. А. Метафорическая репрезентация образа России в дискурсе масс-медиа Франции // *Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т.* – Екатеринбург, 2004. – Т.14. – С. 107-118.
6. Шаова О. А. Метафорическое моделирование внешней политики России во французской прессе (1999-2005 гг.) // *Известия Уральского государственного педагогического университета: Лингвистика / Урал. гос. пед. ун-т.* – Екатеринбург, 2005. – Т.15. – С. 145- 165.
7. Шаова О. А. Использование пространственной метафоры при моделировании образа России во французской прессе // *Welt im der Sprache.* – Landau, 2005. – S. 406-414.